

Раннее утро Линь Сяня было тихим. Еще до того, как на горизонте появился свет, киоски для завтрака под зданиями уже начали испускать слабые струйки дыма. Старик, продающий маринованные яйца, неторопливо ехал на велосипеде по улице, а маленький колокольчик, прикрепленный к его велосипеду, издавал резкий звук, который передавался очень далеко.

Бай Ян уже проснулся очень рано. Первое, что он сделает, это возьмет сумку и спустится вниз, чтобы забрать пластиковые бутылки. Затем в 8 утра он отправится в ресторан, чтобы вытереть столы и вымыть посуду. После этого у него будет около двух часов отдыха, чтобы набрать еще бутылок, а затем, ночью, он поможет владельцу круглосуточного магазина и пополнит запасы на полках. Для него уже распланирован целый день, до краев заполненный делами.

С другой стороны, Вэнь Чуо каждый день спал до тех пор, пока солнце не поднималось высоко в небе. Но вчера его эмоциональное состояние, казалось, было не совсем хорошим. Сказал, что хотел занять денег, но не взял их. Ничего не съев, он просто пошел домой с побежденным и упрямым выражением лица и с тех пор не выходил из дома.

Бай Ян прошел мимо двери Вэнь Чуо, на мгновение остановился, а затем спустился вниз. Когда он вернулся, в его руках была чашка соевого молока и два маринованных яйца. Он поставил их перед дверью Вэнь Чуо и дважды постучал.

Вэнь Чуо проснулся намного раньше, чем раньше, или, возможно, можно было просто сказать, что он не спал прошлой ночью. Услышав стук, он сразу же пошел открывать дверь. Его рыжие волосы были похожи на куриное гнездо, и беспорядочное их растрепывание только делало его меньше похожим на человека, больше на собаку. От него исходило ощущение, что он растрчивает свою красоту впустую, как будто он был деградирующим, бесполезным красивым человеком.

“Этот идиот!”

Вэнь Чуо присел на корточки, чтобы поднять еду, и помахал Бай Яну рукой. Он нетерпеливо сказал:

“Я не собираюсь это есть. Забери это обратно и съешь сам.”

Бай Ян слегка прищурил глаза и нахмурил брови, чтобы посмотреть на него. Он стоял примерно в трех шагах от него и не двигался. Его белая футболка была выстирана так сильно, что вылиняла, и сидела на нем очень свободно, обнажая тощую ключицу и придавая молодости молодому человеку.

Вэнь Чуо встал и сунул еду в руки Бай Яна. Он изо всех сил старался говорить медленнее:

“Съешь это сам. Я не голоден.”

А затем, не заботясь о том, услышал ли и понял ли все это Бай Ян, он закрыл дверь, чтобы снова заснуть.

Вчера Вэнь Чуо сошел с ума в своем собственном доме на всю ночь. Бьется о стену, бьется головой, катается по полу, кричит, борется с собой. Все, что он мог попробовать, он попробовал, но не было никакого способа вытащить из себя эту штуку, чем бы она ни была, и он уже смертельно устал и собирался сдаться.

Оставалось еще около двух лет до того времени, когда семья Вэнь приедет сюда, чтобы забрать его. Он ничего не мог делать, кроме как есть, но он также не мог просто сидеть здесь и глотать воздух. Другими словами, появление системы нанесло смертельный удар Вэнь Чуо.

Все здесь и их соседи знали, что Бай Ян был умственно отсталым мальчиком, и у них хватило духу присматривать за ним. Обычно они просили его выполнить все их мелкие задачи, такие как пополнение запасов и уборка столов, а затем платили ему небольшую зарплату. При этом он мог бы работать не более четырех раз неполный рабочий день за один день, без единого перерыва в поле зрения.

Как только пришло время обеденного перерыва, Бай Ян даже не стал есть и схватил свою сумку, чтобы начать собирать пластиковые бутылки у дороги. Когда он согнул талию, что-то внезапно ударило его в плечо. Он поднял глаза и увидел Да Хонга с противоположной улицы.

“Эй, идиот, у меня здесь есть пластиковая бутылка. Ты хочешь этого?”

Да Хонг был ближайшим хулиганом; он был темным и тощим, как палка. Сидя на придорожных перилах, он держал в руках недопитую бутылку кока-колы и жонглировал ею между ладонями, бутылка звенела при каждом движении.

Бай Ян проигнорировал его и повернулся, чтобы уйти, когда Да Хонг спрыгнул со своего места и преградил ему путь. Он протянул руку, чтобы толкнуть Бай Яна:

“Эй, идиот, папа с тобой разговаривает. Ты что, не слышишь меня?”

Голова Бай Яна была опущена, и он не издал ни звука, просто отвернулся в другую сторону и хотел уйти. Но Да Хонг быстро оттолкнул его и, споткнувшись, ударился о стену рядом с ним.

“Эй, так ты не просто идиот с психическими проблемами, ты еще и немой. Твои уши не были глухими, не так ли? .....Я слышал твой голос в прошлый раз. Что, смотришь на меня сверху вниз, да? Как насчет этого, ты называешь меня папочкой, и я тебя отпущу.”

Да Хонг рассмеялся, подталкивая Бай Яна, как будто нашел что-то новое для игры. Соседняя владелица магазина бросила свою скатерть и закричала:

“Неужели у тебя нет совести! Как Бай Ян тебя побеспокоил! Каждый день, всегда до добра не доведет! Если Вэнь Чуо увидит тебя, он будет бить тебя до тех пор, пока ты не заплачешь по своим папе и маме.”

Да Хонгу было все равно, но как раз в это время, словно в доказательство правдивости слов владельца магазина, внезапная сила ударила его сзади в поясницу, и вслед за этим он улетел далеко с “пух-тонг”, остановившись только после того, как перекатился несколько раз.

“Кто, ты сказал, должен называть тебя папочкой, а?”

Каким-то образом, некоторое время назад, Вэнь Чуо появился позади него, одетый в черную футболку с черепом. В паре с его винно-рыжими волосами, зачесанными назад, он выглядел как обычно, необычно и пугающе. Обе его руки были засунуты в карманы, а пара глаз цвета цветущего персика была слегка приподнята и холодна, как лед.

Да Хонг был в оцепенении от этого единственного удара, и он изо всех сил пытался встать на ноги. Держась за талию от боли, он пытался и пытался, но все равно не мог. Владелица магазина усмехнулась ему, а затем вернулась внутрь через свой занавешенный дверной проем. Видя, что он ничего не говорит, Вэнь Чуо потерял терпение и поднял Да Хонга за воротник. Безжалостно бью его по лицу:

“У тебя хватает наглости называть кого-то идиотом, когда ты даже не закончил начальную школу? Ты уже знаешь все свои слова, да? Вы говорите по-английски? Ты знаешь, как пишется это слово, папа? Когда старая ворона стоит на свинье, она видит всех остальных черными, но не может видеть, что она тоже черная!”

С каждой произнесенной фразой Вэнь Чуо давал еще одну пощечину. Звук был громким и четким, а у Да Хонга было не так уж много сил, и его лицо очень быстро опухало. Он мог только злобно уставиться в ответ на Вэнь Чуо, и Вэнь Чуо снова ударил его другой:

“На что, черт возьми, ты смотришь! Этот старик уже окончил среднюю школу!”

Хулиганы, дерущиеся друг с другом, были вполне нормальным явлением, и поэтому все соседи вокруг просто смотрели на это зрелище. Но когда некоторые увидели, что Да Хонга избили до такой степени, что у него отвалились зубы, а лицо было залито кровью, они зашептались вокруг, что собираются вызвать полицию. Бай Ян, наконец, отреагировал, подойдя вперед, чтобы удержать Вэнь Чуо и с силой оттолкнуть его назад:

“Не сопротивляйся”.

Бай Ян отчаянно похлопал Вэнь Чуо по руке:

“Не сопротивляйся”.

Вэнь Чуо окинул холодным взглядом:

“Ты просто, блядь, знаешь, что нужно идти против меня. Почему ты не издал ни звука, когда над тобой просто издевались?”

Он отпустил Да Хонга, а затем пнул его в живот от нерастраченного гнева. А потом издали указал ему на голову:

“В следующий раз, когда ты позволишь мне увидеть тебя, я снова тебя избью! Буду бить тебя каждый раз, когда вижу!”

Вэнь Чуо был безжалостен, а его руки были еще более жестокими. Он знал, что есть люди, которые не вспомнят, не испытав боли. На этот раз он мог бы отпустить его, но в следующий раз он просто сделает это снова. Только когда его избьют до боли, ему будет больно, тогда он не посмеет снова издеваться.

Ситуация накалялась как снежный ком, и поэтому, когда мать Да Хонга услышала эту новость, она в ярости примчалась со скалкой в руке. Бай Ян взглянул на нее один раз, а затем быстро подтолкнул Вэнь Чуо обратно к их многоквартирному дому:

“Возвращайся скорее”.

“Возвращайся назад. Я только что спустился”

Вэнь Чуо оттолкнул его:

“Отойди в сторону. Я не верю, что она может даже использовать скалку, чтобы избить меня”.

В тот момент, когда мать Да Хонга увидела, что ее сына избили до такой степени, что он стал похож на морду свиньи, она немедленно разрыдалась и упала на пол, используя свою скалку, чтобы ударить по земле и создать громкие лязгающие звуки:

“О боже мой, что сделала эта пара, мать и сын, чтобы навлечь на себя такое наказание. С кем у нас были проблемы. Вэнь Чуо, ты ублюдок, который не умеет учиться, рано или поздно в тебя ударит молния!”

Вэнь Чуо действительно был поражен “молнией” вчера вечером и в настоящее время ненавидел это больше всего. Сразу же после ее слов его лицо опустилось, он сунул руки в карманы, подошел, как бандит, и, улыбаясь, спросил:

“В кого, ты говоришь, ударит молния, хм?”

На улицах репутация Вэнь Чуо уже пошла насмарку. В прошлый раз какой-то непослушный ребенок бросил петарды в рубашку Бай Яна, и за ним гнались по меньшей мере шесть кварталов, пока его не загнали в угол в переулке и жестоко не избили. Такой маленький ребенок, а он даже не сдерживался; было видно, насколько он жесток и безжалостен. Мать Да Хонга сразу же перестала плакать от страха и начала бояться, что Вэнь Чуо соберет других своих друзей-головорезов, чтобы отомстить.

“Я сказала, что это будешь ты! Молния ударит в тебя, убудок, и поджарит тебя! Почерневшее сердце и душа, вот ты кто!”

Мать Да Хонга могла по-настоящему победить только своим ртом за что-то подобное, и она продолжала кричать на него, помогая своему сыну подняться. Когда они уходили, она все время оглядывалась, насторожившись, чтобы посмотреть, не гонится ли за ней Вэнь Чуо.

“сб.”¹

Вэнь Чуо показал им средний палец и с выражением полного безразличия перевернулся, чтобы сесть на перила. Увидев Бай Яна под собой с руками, полными пластиковых бутылок, его лицо стало недовольным:

“Иди, иди, иди. Ты продолжаете подбирать эти куски мусора, за сколько денег ты можешь их продать? Идиот.”

Бай Ян крепче сжал сумку и, после некоторого замешательства, понял, что это значит, и похлопал себя по полным карманам:

“Много денег”.

Глаза Вэнь Чуо невольно опустились. Он спрыгнул с перил, и внезапно на его лице появилась улыбка. Он сунул руку в карманы Бай Яна, чтобы схватить то, что было внутри, сжимая щеки Бай Яна и говоря:

“Ого, как удивительно. Дай мне посмотреть, сколько ты заработал.”

[ЗЗЗТ...]

Раздался звук удара электрическим током, и в мире внезапно воцарился покой.

[Моя дорогая ~ береги свои маленькие ручки, хм]

Вэнь Чуо бесстрастно убрал руку, и в то же время он увидел монетки в карманах Бай Яна, и его чуть не вырвало кровью. Он опустил голову на перила, желая закатить истерику, но сделать

это было некуда, и он чуть не задохнулся от гнева.

Бай Ян потянул его за рукав:

“Вэнь Чуо”.

Вэнь Чуо раздраженно отмахнулся от него:

“Уходи. Оставь меня в покое.”

Его сила была немного велика, и Бай Ян отступил на небольшой шаг. Он посмотрел на спину Вэнь Чуо, а затем опустил голову, чтобы пересчитать бутылки в своем пластиковом пакете, прежде чем хорошенько завязать его и направиться обратно в ресторан, чтобы продолжить там свою работу.

Вэнь Чуо не ел со вчерашнего вечера, и после того, как он кого-то избил, он был немного слаб. Он прислонился к перилам, когда солнце, светившее на него, вызвало у него еще большее головокружение. Наконец, собрав достаточно энергии, он толкнул дверь в ресторан и нашел место, чтобы сесть.

Владелец, Фэн-шу², стоял прямо за прилавком, подсчитывая цифры для бизнеса. Шеф-повар взял эти два выходных, чтобы посетить свой родной город, так что вся еда была приготовлена его племянницей. Все было слишком тихо, и, услышав, как открылась дверь, он поднял голову:

“Хо, Вэнь Чуо, что ты хочешь съесть, я сделаю тебе скидку”.

В это время Бай Ян мыл пол. Даже если она уже была очень чистой, он все равно мыл и мыл, снова и снова, так настойчиво, что это было ужасно. Когда он подошел к Вэнь Чуо, на его швабру наступили и прижали, что заставило Бай Яна поднять голову.

Повернувшись лицом к человекоподобной собачьей морде Вэнь Чуо, ему сказали:

“Швабра, какая швабра. После того, как вы вымоете ее дочиста, она снова испачкается, когда придет кто-нибудь другой. Вы приложили усилия не в том месте”.

Вэнь Чуо обвел карандашом несколько блюд в меню, а затем передал его Бай Яну с таким выражением лица, как будто его должны были обслужить:

“Порядок, порядок. Иначе я умру с голоду”.

Фэн-шу поднял голову, чтобы взглянуть:

“Ты, дитя, как ты стал таким? Разве ты раньше не ладил так хорошо с Бай Яном?”

Когда Вэнь Чуо впервые переехал сюда, была еще осень. Он выглядел прекрасно и привлекательно, с джентльменскими манерами. Более зрелый, чем могли быть взрослые в его юном возрасте, и ему нравилось одеваться в эти клетчатые свитера в английском стиле в паре с белой пуговицей. Каждый раз, когда он выходил со своим рюкзаком, он выглядел совершенно не так, как дети, которые безумно бегали по улицам с соплями, выходящими у них из носа.

Когда Бай Ян был маленьким, его матери приходилось работать, и у нее не было времени заботиться о нем, поэтому она всегда просила владельца ресторана помочь. Бай Ян никогда не играл в грязи и не бегал вокруг, как сумасшедший ребенок. Он всегда был очень молчалив, хватал маленький табурет, чтобы сидеть у входа и ждать, когда мама вернется с работы. Он сидел там на своем месте весь день.

Однажды, когда Вэнь Чуо рано вернулся из школы, он увидел Бай Яна, сидящего как деревянная статуя, почти как бездушная кукла, но при этом выглядевшего таким послушным. Он присел на корточки, чтобы подразнить его:

“Бай Ян, ты снова ждешь свою маму, хм, ты хочешь пойти поиграть в дом этого брата?”

Разница в их возрасте была не такой уж большой, но с тех пор, как Бай Ян был ребенком, его телосложение всегда было слабым, и за последние годы он совсем не вырос. Его семья была бедной, и Чэнь Мэй Ин никогда по-настоящему не давала ему ничего вкусного из еды, поэтому уровень питательных веществ, которые он получал, был намного ниже, чем у его сверстников того же возраста.

Самое обычное, что делал Вэнь Чуо, - это ждал дома и запоминал английский. Было несколько девочек из соседней снизу, которые любили оставаться рядом с ним, чтобы поиграть, но на самом деле не было никого, с кем он сам общался, всегда уходил и уходил один.

Бай Ян был худым и маленьким, и он держался за колени, глядя на Вэнь Чуо. На его лице было не так уж много жира, что подчеркивало его глаза, которые становились все больше и больше. Чем больше Вэнь Чуо смотрел, тем больше он ему нравился. Он закатал рукава до локтей и наклонился, чтобы поднять его, обнаружив, что ребенок на самом деле был намного легче, чем он мог когда-либо ожидать.

Возможно, это было потому, что у его родителей была хорошая генетика, телосложение Вэнь Чуо было худощавым и длинным, он вырос таким высоким, что даже в детстве ему не приходилось тратить много энергии, чтобы удержать Бай Яна:

“Пойдем. Давай пойдем в дом этого старшего брата поиграть. Я дам тебе немного шоколада.”

Бай Ян по-прежнему не произносил ни звука, только наблюдал за ним своими черными глазами и мягко опустил на плечи Вэнь Чуо, вдыхая слабый аромат лаванды от его светлого

свитера.

Вэнь Чуо думал, что дети в этом районе могут только кричать и кричать, всегда ведя себя так назойливо и надоедливо, как нарушители спокойствия, от которых у людей могут только болеть головы. Они продолжали бегать вверх и вниз по лестнице без конца, так что он никогда не любил играть с ними. Если бы они все могли быть такими, как Бай Ян, как было бы хорошо, такими тихими и спокойными, послушными и красивыми. Может быть, просто немного туповат, возможно, даже не понял бы, если бы его продали.

В это время здоровье Лю Руо Цин истощалось до последних резервов, и поэтому она не заботилась о Вэнь Чуо. Каждый день она тратила свое время только на то, чтобы сделать макияж, украшала себя до тех пор, пока не становилась красивой, и медленно прогуливалась на улице, впитывая все ослепленные взгляды, прежде чем остаться у окна, чтобы оплакать свою печаль.

Чэнь Мэй Ин было все равно, так как она никогда не думала о том, чтобы отпустить Бай Яна в школу. Поскольку Вэнь Чуо нигде нечего было делать, он научил Бай Яна читать и распознавать иероглифы. Языку, математике и другим предметам он научил бы Бай Яна всему. Хотя Бай Ян выглядел таким тупым, он научился всему, чему мог. Все, что мог Вэнь Чуо, мог и он.

Его учили из его собственных рук.

Вэнь Чуо тех времен был легендарным ребенком в устах всех родителей. Отличные оценки на каждом экзамене, награды забирают домой, как будто они ничего не значат. Его английский был даже более гладким, чем у учителя, и он умел играть на пианино, умел рисовать. Все говорили, что у него должно быть светлое будущее впереди.

Но Вэнь Чуо не выглядел очень счастливым, как будто это было не то, чего он хотел. Те стопки и стопки наград и сертификатов, которые должны были принести славу и репутацию, в его глазах были просто потраченными впустую клочками бумаги, ничем не отличающимися от легкой пыли в воздухе.

Когда Вэнь Чуо учился в средней школе, здоровье Лю Руо Цин ухудшилось. Каждый день она сплевывала кровь и отказывалась есть свое лекарство. Вечно бормочущая о прыжке с балкона и самоубийстве, без всякой прежней нежной красоты в поле зрения, она была похожа на сумасшедшую. Вэнь Чуо запирает ее в спальне и проводит время, рисуя прямо за дверью.

Чэнь Мэй Ин умерла несколько лет спустя, но Бай Ян все еще приходил каждый день. Вэнь Чуо ничего не сказал и дал ему кусочек шоколада, позволив ему сидеть рядом с собой, пока он держал кисть, наносил кусочки краски и рисовал, пока Лю Руо Цин плакала, причитала и колотила в дверь.

Когда Бай Ян услышал мучительную рвоту изнутри комнаты, он похлопал Вэнь Чуо по руке, но Вэнь Чуо прикрыл глаза и спокойно сказал:

“Не беспокойся об этом”.

Его кисть никогда не останавливалась, и перед их глазами медленно открывалась картина. Это был крепкий, прямой и жесткий, никогда не сгибающийся бальзамический тополь.

... ..

В тот день, когда умерла Лю Руо Цин, Вэнь Чуо сбежал, и никто не знал, куда он делся. Награды и сертификаты дома были разорваны на части, а все его инструменты для рисования были разбиты на куски. Бай Ян каждый день выходил, чтобы найти его, не пропуская ни одного дня, чтобы попытаться найти его, но он не мог. Полмесяца спустя Вэнь Чуо вернулся один.

Его волосы были выкрашены во всевозможные цвета, и он тусовался с бандой нарушителей спокойствия, правя на своем участке дороги. Пил, ругался и ругался, дрался, а потом снова ругался и ругался: он так отличался от прежнего.

... ..

Кондиционер в ресторане был немного холодным и продолжал жужжать. После того, как Бай Ян вытер стол тряпкой, он подал посуду. Увидев это, Вэнь Чуо отвел взгляд от телефона и палочками для еды постучал по столу, издав тяжелый звук:

“Садись и ешь”.

Это было сказано Бай Яну.

Вэнь Чуо только что пошел в банк и после некоторых трудностей достал 500 юаней. Он подумал, какой смысл копить все это, ведь он не мог купить ни особняк, ни гоночную машину. Этого было недостаточно даже для оплаты аренды, так что он просто собирался потратить все.

Бай Ян медленно сел рядом с ним, согласно его словам, и взглянул на купюру, а затем достал все деньги, которые он скомкал в карманах, 5, 10, 1, 20, медленно пересчитывая каждую купюру.

Вэнь Чуо: “Эй, эй, эй, перестань считать. Я заплачу за тебя. Я заплачу. Прекрати это, пожалуйста.”

В конце концов, сейчас там не было покупателей, и Фэн-шу огляделся вокруг, но ему было все равно, продолжая считать свой беспорядок в бухгалтерской книге.

Бай Ян все еще пересчитывал свои деньги, и Вэнь Чуо начал раздражаться. Он перегнулся

через стол и сильно шлепнул Бай Яна по заднице:

“Ты должно быть хвастаешься своим богатством передо мной, да?”

А потом сказал:

“Ты продолжаешь считать, и я все это украду!”

Бай Ян почувствовал небольшую боль от удара, и его глаза мрачно посмотрели на Вэнь Чуо. Его чересчур длинная челка закрывала глаза, и чем дольше он смотрел, тем больше это могло напугать окружающих. Вэнь Чуо был тем, кто выглядел сильным, но он не был настолько силен внутри. Через несколько секунд он сдался и похлопал себя по талии:

“Ешь. Давай поедим.”

Бай Ян продолжал считать свои деньги, а когда закончил, положил их на стол. Он подтолкнул их к Вэнь Чуо, а затем пошел наполнить свою миску.

Вэнь Чуо удивленно остановился, но не осмелился взять его. Он грубо подсчитал глазами и нашел по меньшей мере 900 юаней, сумму, идеально соответствующую стоимости его аренды, и радость взорвалась в нем:

“Бай Ян, ты...”.

[Динь ~]

".....Забери деньги обратно”.

Записи:

* 1 sb: (используя мои собственные сноски из тома 3:р) "sb" звучит как “глупый” и “тупой”/”сравнение с кем либо”. Обычно оно используется в духе “глупая сука”/ругательство в адрес кого-то, например, тупица

* 2 -шу: суффикс (в большинстве случаев означает “дядя”), подобный -шен (“тетя”), где вы обычно используете его, чтобы называть мужчину старше вас. Кто-то, у кого обычно есть дети или кто выглядит как взрослый мужчина старшего возраста (почти как возраст ваших родителей, но моложе старшего), или кто-то, кто чувствует себя для вас дядей (используется аналогично в томе 1, где -шу ссылался на водителя дяди Хо или как в этом томе, где -шен был для хозяйки).

<http://bllate.org/book/17367/1629023>